

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

ЗАМУЖ ЗА ЧЕРНОГО ВЛАСТЕЛИНА,
ИЛИ МУЖИКИ ВЕЗДЕ ОДИНАКОВЫ

ЗАМУЖЕМ ЗА ЧЕРНЫМ ВЛАСТЕЛИНОМ,
ИЛИ БОЖЕСТВЕННЫЕ КАНИКУЛЫ

•

ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВОЧКИ, КРАСИВЫХ ЛЮБИТЕ,
ИЛИ ОНО МНЕ НАДО?

ВЫЙТИ ЗАМУЖ НЕ НАПАСТЬ,
ИЛИ ОНО НАМ НАДО?

•

ОДИНОКАЯ БЛОНДИНКА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ,
ИЛИ БОЙТЕСЬ СБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ!

ЗАВЕРНИТЕ КОНЯ, ПРИНЦ НЕ НУЖЕН,
ИЛИ ДЖЕНТЬМЕНЫ В ПРИДАЧУ!

•

БОГАТЫЕ ТОЖЕ СКАЧУТ,
ИЛИ ГДЕ СПИТ СОВЕСТЬ

•

НЕПРОСТО МАРИЯ,
ИЛИ ОГОНЬ ЛЮБВИ, ВОЛНА НАДЕЖДЫ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Непросто Мария,
или Огонь любви, волна надежды

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2015
ЭРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С47

Серия основана в 2011 году
Выпуск 154

Художник
А. Клепаков

Славачевская Ю. В., Рыбицкая М. Б.

С47 Непросто Мария, или Огонь любви, волна надежды:
Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. —
314 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1948-7

Два мира. Две сущности. Двое. Мужчина и женщина. Кто они?
Люди или только ими кажутся?

Маша, Маруся, Мария... Непросто Мария. Жертва или девушка
с сильным характером? Огненный характер трудно сочетается с благо-
разумием и не дружит с водой и землей. Или дружит?

Диего... Слабый человек? Или сильный мужчина? Чего он хочет?

Иногда яростно ищешь любви, и не замечаешь, что она рядом. Си-
льное плечо всегда подставит Диего, а вот возможна ли любовь между
ними? Они же такие разные и по характеру, и по сущности. Или все не
так, как кажется? В общем, поживем — увидим!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Славачевская Ю. В.,
Рыбицкая М. Б., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1948-7

Мы благодарим за оказанную помощь Елену Глинскую, Светлану Исайкину и Марию Коломиец. Старая гвардия не сдаётся!

Все, что ни делается, — делается к лучшему.
Можно поспорить, если выживешь!

ПРОЛОГ

По извилистой улице русского провинциального городка шла, спотыкаясь, красивая стройная девушка, зябко кутаясь в тоненькую кожаную куртку.

«За что? Почему... так?» — Каждый шаг отдавался режью в глазах. Хотелось набраться до беспамьятства, упиться так, чтобы навсегда забыть.

В ушах гулко стучала кровь. Пьяно кружилась и дико болела голова. Перед мысленным взором в разноцветных искрах мучительной боли вставали недавно увиденные картинки. Сознание взбрыкивало, будто ретивый конь, отчаянно отказываясь верить.

Вскоре мысли приняли другое направление: «Почему? В чем я плохая? Что сделала не так?» — И снова шаги в никуда и без цели.

Редкие прохожие невольно обращали на нее внимание и провожали недоуменными взглядами. Еще бы! Спутанные каштановые волосы, потерявшие блеск. Тусклые серо-зеленые глаза, полные слез. И, невзирая ни на что, редкая красота. Но и та не все решает, по-видимому.

Прошло две недели, как ее бросили. Вышвырнули, словно надоевшую детскую игрушку, будто стоптанный ботинок, смятую обертку от съеденного мороженого.

Солнечный луч ее нынешней жизни пришел и сказал, неловко пряча виноватые глаза:

— Знаешь, я твердо решил, что нам нужно расстаться. Так что ты больше мне не звони. Отныне каждый сам по себе. Вещи потом верну, сама не приходи.

Хотя... почему «неловко» и «виноватые»? Потому что ей так хотелось? Вины в них не было ничуть. Чувство внутреннего превосходства, непоколебимая уверенность в собственной правоте и брезгливое желание, чтобы этот неприятный мелкий эпизод скорее остался в прошлом, — вот что в них таилось, в его глазах. А все остальное она себе придумала.

И на том всё. Ни объяснений, ни разборок. Ничего. Сегодня нужна — хорошо. Завтра не нужна — брысь отсюда, сгинь с глаз моих!

«Сволочь! Надменный сукин сын!» — гневно слетело с языка, а сердце истекало любовью. Как дальше жить без него? Как?!

Она шла, и ей казалось, что она падает в бездну. Все кончено. Как же пусто сейчас внутри! Первая боль все выжгла, уничтожила. Жизнь сложилась словно карточный домик и рухнула к его ногам с шелестом бумаги.

Душа корежилась в оглушающей боли, корчилась в смертных муках, плавилась во внутреннем аду. И эта боль вытянула на улицу, она жестоко выламывала тело в любви без взаимности, гнала под окна любимого человека. Нужно, жизненно необходимо взглянуть, просто удостовериться, что с ним все в порядке, что все хорошо!

Удостоверилась.

Другая девушка сидела рядом с ним на скамейке у подъезда, и звучали те же слова, что он говорил когда-то, таким же темным вечером ей. Про красивые глаза, духовность и полеты к звездам. Про ветер надежды, про неземные черты. Про дьявольскую удачу встретиться с такой изумительной девушкой и безумное желание защитить от всех опасностей мира.

Прочь! Прочь отсюда!

«Чего ты от меня хотел, любимый? — шептали непослушные губы. — Увидеть перед собой на коленях? Сломленной, униженной, побежденной чувством к тебе? Не смог сломить окончательно, слишком гордая, или просто надоела? Что, что во мне не так?!»

А перед глазами стояло...

Те же заученные жесты и паузы. То же картинное разламывание незажженной сигареты. Те же бумажные стаканчики с красным вином и жадные поцелуи. Точно такой же хмельной взгляд влюбленной и очарованной девушки. Словно увидела фильм о своем недавнем прошлом!

«Только сейчас поняла: не нужны тебе моя привлекательность, душа, любовь... для тебя они пустые слова. И верность тоже ни к чему. Она тебе как дырявый носок; нечто весьма постыдное и неприличное в уважаемом обществе. Все, о чем мечтаешь, к чему стремишься, — теплое и хлебное местечко под боком статной директорской дочки. Карьера, успех, процветание. Женитьба на Лизе Миловановой — чертовски выгодное мероприятие... Пока ты учился, всего лишь переждал со мной время. Пользовался в свое удовольствие. И мечты — твои, не мои! — мечты альфонса, дорогой проститутки. Ты проговаривался, часто. Просто я не замечала, глядя на тебя глазами влюбленной дуры. А теперь...»

Внезапно нахлынула паника. Чуть утихшая боль вернулась с новой силой, скрутила внутренности, потребовала выйти наружу.

И снова отчаянный бег по ночным улицам города. В никуда, лишь бы прочь отсюда.

— Куда бежишь, красотка? — Дорогу заступила группа парней, от которых сильно несло алкоголем.

— Пропустите! Пожалуйста... — слабо пискнула девушка, прекрасно понимая, насколько они опасны, и не надеясь на спасение. Ее принц в это время охмурял другую лошадь.

— Не торопись, крошка! — произнес один из зашедших сзади. Гопник наклонился, дыша перегаром. — Повеселимся?

Она была против, но кто ее спрашивал? Девчонку затащили в машину и отвезли на пустырь.

Они изгалялись над ней, как хотели, жадно вколачиваясь, буквально врываясь в неподатливую плоть. Но откуда-то изнутри поднималось жгучее чувство обиды на весь

мир и желание жить. Любой ценой. Выжить и счастливо жить дальше.

Этому не суждено было случиться. Так же как и выжить всем соучастникам преступления.

Когда парни вдоволь натешились и бросили девушку замерзать на холоде, последние слова, которые произнесли ее синеющие губы, были:

— Чтоб вам вечно гореть синим пламенем!

И пришло пламя. Охватило лежащую как сломанная кукла девушку и насильников. И не затронуло больше никого и ничего.

— Ты моя! — ревел огонь, протягивая пыщущие жаром руки. — Ты нужна мне!

— Твоя! — изогнулось в пламени хрупкое тело. — Бери!

Несколько мгновений, всего только несколько мгновений!

Глубокая ночь. Тишина. Плотно зашторенные испуганные окна соседних хрущоб. Едкий запах горелого и невесомые кучки серого пепла. Легкий ветерок. И тонкая фигурка, лежащая на заиндевелой траве.

Глаза девушки открылись. Теперь в них поселилось пламя.

ГЛАВА 1

Основы пластической хирургии: снаружи ангел, внутри бес.

Средняя полоса России, недалеко от Москвы.

Июль. Утро

На запыленных тополях весело чирикали воробьи. Клочки тумана уже почти полностью растаяли в придорожной канаве. Городские жители бодро трусили вдоль заборов, следуя на рынок или выгуливая мелких шавок и громадных псин.

Я уже минут десять наблюдала из машины за чуть обрюзгим, начинающим лысеть мужчиной, переминающимся с ноги на ногу у газетного ларька на автобусной остановке. Он то посматривал на часы, поддергивая рукав голубой рубашки, то доставал из кармана черных, слегка помятых брюк телефон.

Так вот ты какая, золотая рыбка!

Все еще импозантен. Или пытается произвести таковое впечатление. Но годы, годы... они беспощадно высвечивают то, что в юности прчется на самом дне.

В самом деле, чрезмерно резвый юноша, когда ему стукнет за сорок, кажется дешевым клоуном. У драчуна агрессия проступает на лице грубыми чертами обезьяны. А у бабника, склонного к пустопорожнему пафосу и чисто павлиньему пусканию пыли в глаза, на лице остается...

Первое впечатление после многих лет — слизняк. Второе — исключительно нецензурно. Третье... Я помедлила

еще немного, хватаясь за любую возможность отвлечься от предстоящей встречи и нервно поглядывая по сторонам.

В этот ранний час он стоял в ожидании один. В нескольких метрах левее остановки пристроились бабушки с цветами, семечками и пластиковыми стаканчиками с земляникой и черникой.

— Ближе, — велела я своему шоферу и телохранителю с красивым именем Диего, экзотической внешностью мачистого испанца и чисто русским выговором.

Черный блестящий «мерс» сорвался с места и подъехал к тротуару.

Пора! Я глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, опустила стекло, сдернув темные очки, и лучезарно улыбнулась.

— Вас подвезти?

— Вы мне? — возрился на меня рыжеватый блондин с намечающимися залысинами. Тонкогубый, с нездоровым румянцем, свидетельствующим о не слишком правильном образе жизни и частом употреблении горячительного.

— Безусловно, — еще шире улыбнулась я. — Такой представительный мужчина не должен опаздывать. К тому же это чудесный повод познакомиться.

Охмуряемый объект расправил плечи, колыхнул пивным брюшком и почувствовал себя пупом земли.

— Это было бы весьма кстати. Если я вас не затрудню...

— Ну что вы, — пропела я, накручивая на палец локон рыжевато-золотистых волос и делая глаза лани, влажные и зовущие. — Мне будет приятно, — подавая знак Диего.

Шофер вышел из машины и открыл дверцу, предлагая моей мышке сесть в салон к готовой его поймать кошке.

Блондин оторопел, покрепче сжал ручку слегка потрепанного кейса известной фирмы неизвестного производства и, надувшись как индюк, обошел «мерседес».

Я поспешно нацепила свои очки от солнца, готовясь к битве. Вооружена и очень... прекрасна. Извините, опасна.

Рядом с Диего этот... это недоразумение смотрелось именно недоразумением. Но меня сей факт полностью устраивал.

Мужчина плюхнулся на кожаные подушки сиденья, показав мне коричневые носки, и расцвел в сексапильной улыбке донжуана... как он думал. Или крысы... как думала я. Но вслух свое мнение не озвучила.

— Вы меня так выручите!

Я приняла правила игры и закокетничала, внутренне содрогаясь от отвращения.

— Это вы меня выручите, если по дороге разделите со мной чашечку кофе.

— Разве можно отказать такой красивой женщине... — Его эго так раздулось, что в салоне стало тесно. Еще немного — и лопнет! Он протянул руку и представился: — Вольдемар!

Меня чуть не снесло с сиденья. Какой пассаж, а смотрелся обыкновенным Вованом! Я мысленно поблагодарила свои черные очки, скрывающие глаза. В данную секунду мои органы зрения имели форму как минимум октагона.

Справившись с собой и положив ладонь на его руку, я прошебетала, старательно изображая упившуюся тормозной жидкостью идиотку:

— Какое у вас громкое имя! Вам оно так подходит! А я — Мария!

Русый блондин вальяжно обмусолил кончики моих пальцев, заставляя владелицу остро пожалеть об отсутствии одноразовых (а лучше — толстых хирургических!) перчаток, и высокопарно выдал:

— Восхитительное имя для прекрасной женщины! Звучит как музыка! Мария Магдалина!

Я задохнулась, причем отнюдь не от восторга. Диего пригнулся над рулем и тихо хрюкнул.

— В кофейню! — велела я, мучительно соображая — выйду ли я из образа блондинки с силиконовыми мозгами, если серьезно обижусь?

Вольдемара же понесла нелегкая по просторам избитого, в колдобинах, типично местечкового псевдоинтеллигентского флирта:

— Мария — это исконно русское имя! Оно звучит словно песня, будто легенда, сказка, как...

Я внимала, внутренне морщась, и вспоминала, как один тип двадцать лет назад без малейшего пиетета произносил это имя как Машка, Манька, Маруська или сокращал до банально-кошачьего — Муська.

— Вы так поэтичны! — выдавила я из себя, пытаясь проделать два дела одновременно — остановить безудержный словесный поток, направляя его в другое русло, и освободить свою руку, пока мне ее не раздавили в порыве страсти к философии до состояния ласты.

Мы покрутились немного по однотипным улочкам городка. Машина остановилась возле моей любимой кофейни «Ароматы Востока», уютно устроившейся в тихом переулке.

Мы вышли из авто и отправились пить кофе. Надеюсь, я все же сдержусь и не подсыплю яда в благородный напиток. Не хотелось бы портить хорошим людям бизнес.

Диего предусмотрительно открыл дверцу, помог мне выйти и придержал массивную дверь. Правда, телохранитель неловко отпустил створку, когда подошел Вольдемар. Видимо, от сознания собственной неполноценности перед лицом такого бесподобного, напичканного комплексами чисто мужского превосходства экземпляр.

Вольдемар яростно зыркнул на Диего, словно ощеренный пес. Без особого результата. Мой телохранитель безлично сверкал стеклами «хамелеонов», которые он всегда надевал вне машины, и понять его истинное выражение лица под зеркалами очков непривычному человеку довольно сложно.

Дверью Вольдемара все же приложило. По дряблему сидилицу. Мужчина от неожиданности споткнулся и уцепился за статую Ходжи Насреддина у входа.

— Люди не одиноки, они — едины; в этом — самая глубокая истина нашего совместного бытия! — прошептал мне на ухо Диего, напоминая изречение Ходжи. Обычно по-русски мой телохранитель говорит абсолютно чисто, словно исконно русский, но вот когда волнуется, появляется легкий иностранный акцент, в чем-то довольно при-

ятный. Во всяком случае, для моего уха. Так вот, сейчас Диего почему-то волновался.

— Дорогу осилит идущий... — не осталась я в долгу, опять начиная щебетать, как безмозглая гламурная курица-блондинка: — Ах, вы, наверное, ушиблись! Вам нигде не больно? — И глазками по мужику — огонь, пли! Длинными очередями.

Для пушшего эффекта даже очки сняла, чтобы броситься на эту потрепанную жизнью амбразуру. Только, к сожалению, такое можно заткнуть исключительно чем-то большим. Например, противотанковой миной.

— Ему должно быть больно за бесцельно прожитые годы! — поддел меня цитатой из Островского телохранитель, помогая встать на ноги пострадавшему Вольдемару.

— Вы головой не ударились? — продолжила я, больно наступая Диего на ногу туфелькой.

— Нельзя ударить то, чего нет, — тихо пробурчал телохранитель. Я стиснула зубы и смерила его надменным взглядом. Не хватало, чтобы Диего мне весь план работ на смарку пустил!

— Мужчина, э! — вырулил из подсобки хозяин Ашот. — Статуй тут для красоты стоит, да?! Себя положи на стул, а статуй оставь людям, пусть удовольствие получают. Э?

— Со мной все в порядке, — со скрипом выпрямился блондин. Слащаво, с придыханием: — Просто я загляделся на неземную красоту Марии.

Я слегка запунцовела от комплимента, внутренне отплеываясь, и стрельнула глазками в сторону Ашота.

— Вы же не будете нас ругать?

— Нэт! — расцвел хозяин. — Такой красивый дэвушка нэльзя ругать, можно поить кофе и коньяком!

— Ага, — вполголоса поддакнул Диего, иронически хмыляясь. — Напоить — и спать уложить.

— Завидуешь? — прошипела я сквозь зубы.

— Открываю тебе глаза, — не согласился телохранитель.

— Давай заходи! — хлопнул Вольдемара по плечу Ашот. — А статуй оставь тут, он каменный — кофе-коньяк не пьет!

— Спасибо! — пропела я, протаптывая народную тропу на мокалинах Диего. Тот даже не поморщился. Силен мужик!

— Слушай, красавица, — громким шепотом сказал мне Ашот, деликатно придерживая за локоть. — На какой полойке ты вот это подобрала, а? Давай я тебя с настоящим джигитом познакомлю?

— У нее есть свой джигит, — немедленно вмешался сердитый Диего, оттесняя Ашота.

Мы вошли в полутемный зал.

Мне нравится это место. Низкие каменные своды из красного кирпича прекрасно гармонируют с такими же стенами, увешанными связками алых перчиков и декоративными шальями. Уютный полумрак, кое-где освещаемый горящими свечами. Пахнет куркумой, перцем и специфической смесью чисто восточных специй. Запах огня и юга. Мой любимый.

— Здравствуйте, Мария, — приветствовал меня бармен Сережа, темноволосый кареглазик лет двадцати, с азиатской внешностью. — Вам как обычно?

— Да, спасибо! — кивнула я. — Мой столик свободен?

— Как всегда, — широко улыбнулся студент. Обратился к моим спутникам: — А вы что будете?

— Эспresso, — бросил Диего, внимательным взглядом профессионала сканируя кофейню.

— Я хочу... — начал блондин.

— Можно я угадаю? — влезла я, широко улыбаясь и оказывая всевозможные женские знаки внимания стоящему рядом мерзавцу. Только что на руки ему не запрыгнула.

Вольдемар почувствовал себя маленьким гигантом большого секса и уверенно распрямил все еще широкие плечи, самодовольно кивая.

— Такой представительный мужчина, — кудахтала я, стараясь ненароком не брызнуть ядом. — Скорее всего должен любить... американо!

Угу. Попала! «Угадай мелодию», приз в студию!

— Как вы проникательны, Мария! — расплылся в улыбке блондин и цапнул меня за руку.

Диего сделал неуловимое движение, стараясь помешать Вольдемару допустить в отношении меня какие-либо во- льности, но я остановила незваного защитника скептичес- ски заломленной бровью.

— Вы волшебница! — пел курской жабой мой подопыт- ный, провожая меня к столику. Я пожалела, что предвари- тельно не зашла в аптеку и не купила себе какой-нибудь «Аэрон». Без него выживать рядом с этим ходячим атавиз- мом будет крайне трудно.

А насчет моей колдовской проницательности... Хм. Ко- нечно, волшебница! Память у меня уж точно волшебная. Помню все. До мельчайших подробностей.

— Принесите наш заказ на столик, Сережа, — оберну- лась я, ловко манипулируя спутником и подводя того к своему любимому столу около дальней стены зала.

Здесь никого днем не бывает. Нам гарантировано уеди- нение.

Диего занял соседний стол, сев лицом к залу и цепко обозревая окрестности. Судя по напряженной линии рта, телохранителя что-то сильно обеспокоило, хотя моя внут- ренняя сигнализация почему-то молчала...

В дальнем углу кофейни за столиком устроились двое мужчин. Несмотря на полумрак, оба находились в помеще- нии в темных очках. Экспрессивные собеседники так силь- но жестикулировали, что сторонний наблюдатель издали мог бы предположить: здесь сидят глухонемые.

— Смотри-ка, — ухмыльнулся шатен с вкраплениями огненных прядей в шевелюре и широкой татуировкой- браслетом на правом предплечье. — *Nija de puta!*¹ Наша красотка уже попала в расставленные сети.

— Ты думаешь, сработает? — усомнился второй, отпи- вая кофе и откидывая с лица густую золотистую челку.

— Гарантирую, Ким, — оскалился первый. — Я затра- тил массу усилий и задействовал все нужные связи, чтобы она получила именно это задание. Пришлось кой-кому

¹ Сукина дочь! (*исп.*)

даже кое-что пообещать, но я не внакладе. Я никогда не проигрываю.

— А вдруг она все-таки устоит? — все еще сомневался Ким, с недобрим прищуром наблюдая за привлекательной золотоглазой девушкой, флиртующей с мужчиной. — Это у нее далеко не первое задание...

— Но первое, где задействован личный интерес! — насмешливо пояснил шатен, аккуратно поправляя край джинсовой безрукавки. — Тем более что она подошла к грани очень близко.

— Смотри, как хранитель напрягся, — усмехнулся Ким. Он, в отличие от джинсового винтажа собеседника, щеголял брюками и рубашкой от Ив Сен-Лорана, с элегантными запонками в виде рубиновых скорпионов. — Зараза, а ведь этот поганец, кажется, нас умудрился почувствовать даже сквозь нерушимый блок!

Второй недовольно хмыкнул. Сверхчувствительность Диего ему была знакома не понаслышке, но здесь проявила себя весьма некстати.

Светловолосый продолжал откровенно восхищаться:

— А он молодец! Виртуоз! — Без перехода: — Как ты думаешь, Рамон, он в нее влюблен?

— Скорей всего, — скупно пожал плечами собеседник. — Он никого еще так не пас. Но это не затмит его чувства долга. У Диего оно развито потрясающе. Если она пересечет грань, то хранитель, даже любя, все равно мгновенно уничтожит огненную — и рука не дрогнет.

— Ты великий комбинатор, Рамон, — хмыкнул Ким, не то восхищаясь, не то скрыто не одобряя. — Только одного не пойму — чем она тебе так насолила? Поделишься, брат?

— Это уж мое дело! — сжал зубы шатен, нервно затягиваясь и откидываясь на оббитую тканью спинку угловой лавки. — Мои мотивы останутся при мне, для тебя главное — итог, который совпадает с моим желанием.

— И тебе не жалко такую красотку? — спросил Ким, откровенно рассматривая девушку. Он залюбовался шикарной копной вьющихся светлых волос, достигающих тонкой талии. Отметил про себя точеное лицо с удивительны-

ми золотыми глазами, утонувшими в черных длинных ресницах; загляделся на пухлый рот с чуть капризным изгибом и легкой загадочной полуулыбкой.

— Нет, — решительно покачал головой хмурый Рамон. Глаза его полыхнули злым огнем. Яростно: — Я предлагаю лишь однажды, а потом уничтожаю. По возможности — чужими руками. Нам пора уходить! Время.

И пара растаяла в полумраке, как будто и не было их. Только на столике остались стоять две чашки и оплывшая свеча.

По моему позвоночнику пробежал холодок опасности, заставивший содрогнуться и передернуть плечами. Что-то явно происходит...

Я напряженно раздумывала, не забывая кивать собеседнику и расточать сладкие улыбки, пока он нес всякие глупости на грани пошлости.

— К сожалению, мне пора, — сообщил мне Вольдемар. — Работа, заботы.

— Вас подвезти? — расстроилась я. — Мы могли бы еще поговорить. Вы такой интеллектуальный собеседник!

— Вот мои номера телефонов, — достал блондин визитку. На обороте написал дополнительную цепочку цифр. — Это личный. Ну, вы понимаете...

— Конечно! — обрадовалась я. Натужно ослабилась. — Это так приятно. Значит, я могу быть уверена, что мы с вами еще встретимся?

— В любое время! — надул грудь упитанным индюком блондин, расцветая сальной улыбочкой. (Могу поспорить: в своих фантазиях он сейчас Ален Делон и Бред Питт, не меньше!) — Но не в рабочее! Тогда я, увы, занят. А теперь прошу меня простить. — Он припал к моей руке. — Удаляюсь. Нужно еще поймать машину.

Диего скорчил кислую физиономию и шутовским жестом приложил руку к сердцу так, чтобы видеть его ужимки могла только я.

— Я обязательно позвоню! — пришлось пообещать пронафталиненному ловеласу.

Вольдемар заверил меня в своем пламенном ожидании и ушел, бодро помахивая кейсом.

Я еле дождалась, пока он покинет зал, и стерла с лица улыбку слащавой идиотки, доставая телефон. Нажала кнопку быстрого набора. Когда ответили, сказала:

— Привет, Лёна. Найди все на Владимира Юрьевича Петрякина, дата рождения — пятое апреля семьдесят четвертого года. Да, прошлого века, шутница ты наша! Место рождения — город Н-ск. Остальные данные скину по электронке. Жду.

Мой телохранитель Диего бесцельно послонялся по заведению, подошел к уютному столику в сторонке, где стояли забытые официантами чашки кофе с блюдами, и зачем-то сунул средний палец в одну из них. Словно обжегшись, отпрянул и вернулся хмурый и встревоженный.

На ровном месте найти на свою голову горячий кофе? Мазохист! Причем со стажем.

ГЛАВА 2

Кто имеет информацию, тот имеет всех!

Как только я зачихнула в карман телефон, за моим столиком очутился Диего. Телохранитель положил на столешницу сцепленные в замок руки и негромко, с нажимом сказал:

— Откажись от него!

Такое поведение было так непохоже на Диего, что я вопреки обыкновению не фыркнула и не отправила его по всем знакомому адресу, а заинтересовалась:

— В смысле? От Вольдемара или задания?.. В чем причина?

— Это дело смертельно опасно, — напрягся мужчина. Он умолк, каменяя скулами, и явно не собирался полностью вводить меня в курс дела.

— Основание? — подняла я брови.

— Интуиция, — на полном серьезе ответил он.

Для Диего, скрупулезного даже в мелочах, необычно вдвойне. Сколько его знаю — твердокаменный профессионал. Бесед насчет пресловутой интуиции, «чуйки» и тому подобного не вел за все время ни разу. Ни разу! Только аргументы и факты, причем железно проверенные и сто раз подтвержденные.

— Весомо, — кивнула я, быстро набирая сообщение для Лёны на планшете. — Но уже поздно... — И если бы ты знал НАСКОЛЬКО!

— Для кого? — Сильные руки сжались до побелевших суставов.

— Для меня, — ответила, не отрываясь от пересылки информации. — Это мой шанс избавить мир от еще одного редкостного подлеца.

— Это твой шанс избавить мир от себя! — взорвался телохранитель. — Ты испытываешь к нему чувства! Малейшая ошибка — и...

— И?..

Он сглотнул. Руки расцепились из замка и легли на стол ладонями вниз, параллельно:

— Ты хоть представляешь, сколько в архивных схронах лежит дел с резюме «Сгорел на работе»?

А ты представляешь себе, умник, что, в отличие от тебя, у меня нет выбора?! По своей воле исполнителями не становятся. Если я хорошо одета и живу в относительном достатке, это вовсе не означает, что я в восторге от однажды навязанной роли. Отнюдь. Такой мерзостью ни одна нормальная женщина добровольно не занимается. Хотя... бывают приятные исключения. Как вот в этом случае.

— Диего, меньше слушай дурные офисные байки, — не выдержала его напора. — Я и к тебе испытываю чувства, — хмыкнула я, касанием пальца отправляя письмо. — Разные...

— Мы говорим о личном! — не сдавался мужчина. — Ты вступила на скользкую тропу!

— Да? — фальшиво удивилась, убирая планшет в сумочку. — Придется посыпать песочком, а для кого-то и наждачную шкурку положить, чтобы до финала доехали только уши гада!

— Разумные доводы на тебя не действуют? — Диего в раздражении стащил очки и уставился на меня аквамаринными глазами.

— На меня никакие доводы не действуют... если я на работе, — спокойно ответила я, любуясь великолепным образчиком мужской красоты. Чисто эстетически. Уже много лет к мужикам я не испытывала никаких чувств, кроме азарта погони. Именно поэтому была одной из лучших в своем деле.

— Ты не понимаешь... — снова завелся телохранитель.

«Скажи мне правду, атаман!» — звучно заорал телефон.

— Извини, — сказала я без капли сожаления. Ответила: — Да. Да, буду. Полчаса.

К столику подошел Сережа:

— Вам что-то еще принести?

— Нет, — рявкнул разозленный моим отказом Диего, расплачиваясь и оставляя щедрые чаевые. Через секунду резко передумал: — Да! Новые мозги для этой, — кивок, — дамы!

— Для блондинки это лишнее. Никому не нужная роскошь, — с достоинством парировала я, улыбнувшись студенту. — Спасибо! Потом повернулась к Диего: — Поехали!

Мы вышли из кафе. Галантный телохранитель в сердцах чуть не зажал меня дверцей машины.

— Ты повторяешься, — спокойно заметила я. — Это становится скучным.

— Повторение — мать!.. — кратко проинформировал меня мужчина, садясь за руль.

— Мать чего?.. — проявила я любознательность. Если кому-то сильно хочется сразить меня знаниями, то зачем мешать человеку пребывать в иллюзиях?

— Просто мать! — рявкнул телохранитель.

Кстати, давно заметила: для испаноязычного наш Диего удивительно физически малоэмоционален. Практически не жестикулирует, как все добропорядочные южане. Если бы точно не знала, решила бы, что он подкидыш. Или англичанин!

— Куда едем?..

— В офис, к Лёне, — фыркнула я, удивленная его выходками. Никак съел с утра что-то несвежее? Так вроде на рассвете от него упорхнула молоденькая шатенка. Вот и верь после этого глазам своим...

Машина резко рванула с места.

— Если ты не прекратишь вредничать, — безмятежно сказала я, тщательно расправляя золотистую шифоновую юбку, — то кроме копии повестки в суд за неуплату алиментов на троих несовершеннолетних детей я буду показывать твоим пассиям фотографии твоих трех тец в состоянии аффекта!

Мы еле вписались в поворот. Поскольку я была по своему обыкновению не пристегнута, меня ощутимо приложило о дверцу.

— По-моему, — пробормотала я, изо всех сил цепляясь за ручку, — твои предупреждения вкупе с гласом интуиции здесь ни к чему. Ты меня угробишь гораздо раньше!

Диего неожиданно съехал на обочину, остановил машину и развернулся ко мне, сверкая разъяренными глазами.

— Так это ты испоганила мне личную жизнь?! Ну ты и...

— А были другие предположения? — лукаво поинтересовалась я, ничуть не впечатленная силой его гнева.

— Были! — рявкнул телохранитель.

— Тогда подозревай их дальше, — мирно посоветовал главный объект подозрений. — Иначе мне придется показывать твоим дамам следы плетки, других побоев и по секрету рассказывать о чьих-то пристрастиях к очень жесткому сексу... в одежде из латекса.

— Мария, не доводи до греха! — От рева у меня заложил уши. — И пристегнись!

Давно я не проходила по больным местам этого самоуверенного самца. И вот результат, дожили: на меня орет мой собственный подчиненный!

Я вызверилась:

— И вообще, мистер Фрост, хочешь, чтобы тебе по утрам радовались, — купи себе аксолотля! Он будет тебе нежно улыбаться за одну-две креветки, а мне будет приятней и спокойней! — Но пристегнулась. Не хватало, чтобы

он взялся за мой ремень безопасности самолично. Есть шанс, что пришиллит та-ак... я потом дышать не смогу!

Опять он на меня уставился, как монахиня на стриптизера! Того и гляди крестить начнет!

— Ты — чудовище! — безнадежно заявил Диего. — И не предлагай мне мучить несчастную зверушку!

— Надеюсь, от слова «чудо»? — невинно полюбопытствовала я, устраиваясь поудобнее и раскрывая свою сумочку в поисках пудреницы и блеска для губ.

Невнятное рычание подтвердило мое предположение. Дальше мы ехали в молчании.

Остановившись возле практически полностью стеклянного офиса с крутящимися дверьми, Диего повернулся ко мне еще раз и тихо спросил:

— Тебе доставляет удовольствие издеваться надо мной?

— Нет, — ответила я честно.

— Тогда зачем ты это делаешь? — не отставал мужчина.

— Потому что мне доставляет удовольствие издеваться над твоими подружками, — призналась я. — Слишком уж восторженными выпархивают они из твоей комнаты.

— И чем это плохо? — удивился Диего, осторожно поглаживая мои пальцы на спинке сиденья. Мне почудилась в этом скрытая нежность.

На фиг, на фиг! Обойдемся без экстрима!

— Это плохо именно тем, — осторожно высвободила я руку, — что ты только что сделал.

— Ты ясно дала мне понять мое место в твоей жизни. — Красивый мужской рот исказила кривая усмешка. — Ты поменяла свое решение?

— Нет, — улыбнулась я, чувствуя себя макакой, которой не разорваться. — Я предпочитаю не смешивать личные и рабочие отношения. — Стиснула руки на коленях. — Но и твоих одноразовых девушек терпеть не буду!

— Они одноразовые твоими стараниями, — оскалась почище уссурийского тигра, злобно укорил меня телохранитель. — Каждый раз, когда я кому-то звоню вторично, мне сообщают дрожащим голосом, что я ошибся номером

и тут нет никакой Оли, Раи, Вали. И вообще... это говорит автоответчик.

— Значит, моя тактика себя оправдала! — с удовлетворением заметила я, вылезая из «мерса».

— Собственница! — обозвал меня уязвленный Диего, следуя за мной. — Пожалуй, я сниму себе квартиру.

— Попробуй, — не стала я его отговаривать. Зачем? Мало заметный подъем брови: — Только не удивляйся, если милейшие бабушки у подъезда будут считать тебя маньяком со стажем и террористом с гранатометом в штанах.

Пребираясь и переругиваясь, мы дошли до офиса Лёны, расположенного в дальней части здания и имеющего большой внутренний дворик.

— Тук-тук, — стукнула я костяшками пальцев об косяк. — Здесь ли моя любимая, легендарная, известная своим коварством и лютой непримиримостью к врагам подруга?

— Заходи уже, припаленный паяц! — раздалось недовольное глубокое контральто. — Тебе нужно на паперти юродствовать — обогатишься.

— Меня оттуда уже выперли, — повинилась я, вливаясь в кабинет. — Сказали, что моральным калекам у них не подают. Привет, Лёна.

— Здоровались уже, — хмыкнула невысокая, чуть полноватая шатенка с золотисто-каштановыми вьющимися волосами. Наше информационно-аналитическое и передаточное звено, а порою, и не так уж редко — рука помощи в трудную минуту.

— Чем порадуешь, солнышко? — плюхнулась я в давно облюбованное кресло около ее рабочего стола. У стола приятно обвевал кондиционер, напротив сиял неоновыми красками псевдоаквариум-монитор с движущимися коралловыми рыбками и прочей морской фауной.

Хорошо тут сидеть. Расслабляет.

Офис у Лёны обставлен известным дизайнером. Это заметно с первого взгляда, при входе сразу начинаешь проникаться атмосферностью его работы. Огромный круглый ковер, кажется, созданный из оттенков сливок, синего и цвета темного дерева. Пузатые кожаные диваны со стоя-

щими рядом напольными лампами, один против другого, пара примыкающих столиков розового дерева. Белоснежные фактурные кресла. Акварели на сливочно-белых стенах, что-то из видов набережной Марсея.

Игра светлых и приглушенных темных цветов и оттенков. Днем — ярко и небанально, при электрическом освещении — уютно. В полумраке, когда включены только настольные лампы, преследует странное ощущение, словно находишься в пещере: тени по углам и отблески мягкого света.

Вдоль стен несколько бюро и стеллажей с эстетичными мелочами — классическими статуэтками, изящными безделушками и прочими изысками.

В таком зале президента не стыдно принимать.

— Ноги не закидывай, — строго предупредила меня сероглазая юристка, запихивая в ящик стола незаконченную вышивку. С мягким горловым смешком: — Не создавай у меня комплекс неполноценности.

— Чего стоишь пирамидой ацтеков, — обратилась Лёна к застывшему у двери Диего. — Садись уже!

— Из уст юриста слышать такие слова чревато нехорошими последствиями, — осветил белозубой улыбкой кабинет мой телохранитель. — Я лучше так постою. На свободе.

— Тогда присаживайся, — велела девушка. — У нас будет очень долгий и серьезный разговор. — По ее тону стало понятно: всплыли весьма интересные сведения.

К сожалению, специфика моей работы не позволяет просто перекрыть клиенту кислородный баллон и сказать сакраментальное: «Hasta la vista, baby!» По законам и правилам клана Огненных, следует поймать преступника на «горячем», сделать пламенное внушение с порицанием, затем уже мягким вразумлением попробовать вернуть провинившегося на стезю моральной чистоты. Ага.

Звучит занимательно и выглядит правильно. Практически идеально.

Вот только на моей памяти такого не случалось ни разу. В основном все заканчивалось на «сделать пламенное внушение»... До «мягкого» вразумления клиент обычно не доживал. Ну, по крайней мере, умственно неповрежденным.

Внутри стал нарастать смех. Что поделывать... огненные, они такие огненные...

— Смотри, — переправила мне Лёна толстую папку. Сухо уведомила: — Учти, здесь только часть. Интересный экземпляр, однако, попался. Понятное дело, не самая большая шишка, но...

Я внимательно изучила душещипательное содержимое, просмотрела фотографии и с удовлетворением сообщила:

— Какая обширная у человека деятельность! Феномен. За двадцать последних лет объект успел навертеть на свою карму как минимум пять пожизненных. А то и все десять!

Диего огорченно вздохнул и завозился. Он меня слишком хорошо успел узнать. Понимает: из шкуры вылезу, кишки себе на руку намотаю, но живым подобного подонка не выпущу!

А я продолжила спектакль одной актрисы персонально для воинственной Испании в его лице.

— Уникум! Куда там некоторым маньякам! — Лицемерно вздохнула. — И моя прямая обязанность помочь ему облегчиться!

— Облегчить душу, полиглотка! — поправила меня подруга. Замерла. Просканировала меня взглядом до мельчайших атомов, просеяла сквозь сито аналитически острого разума и гневно резюмировала: — Мария! Ты его знаешь!

— Была когда-то... мне-э-э... знакома, — поправила я ее в свою очередь. — Очень-очень давно.

— Это против правил! — вспыхнула Лёна, вскакивая и начиная носиться туда-сюда, от окна к рабочему месту и обратно.

Я демонстративно припудрила носик.

Лёна воззрилась с укором на невозмутимого Диего, сидящего с каменной рожей поодаль и сосредоточенно взмахивающего крылышками кинетической игрушки-браслета, лично им привезенной аж из Канзаса¹.

¹ Кинетические игрушки — работы кузнеца и ювелира Дакно Юна из Канзаса. При движении пальцев созданные мастером механические игрушки, браслеты и кольца имитируют взмахи крыльев птиц. Контраст между массивным металлическим основанием и невесомыми крыльями, а также сами движения конструкции способны заморозить зрителя.

— А ты куда смотрел?

— В ту же сторону, — мрачно огрызнулся мужчина. — Кто бы только прислушивался? Если не ко мне, так хоть к голосу разума!

— У меня нет шизофрении, — сообщила я им, задумчиво накручивая локон на палец и обдумывая дальнейшую наступательную стратегию.

— Ты обязана отказаться! — повернулась ко мне Лёна. — Первое правило огненных — никаких личных контактов! Или я доложу наверх!

— А первое правило воздушных... — рассматривала я свои ногти с необычным французским маникюром — тонкой полоской страшиков и 3D блесков по краешку. — Никаких вмешательств! Только помощь с информацией и наблюдение за исполнением.

— Ты погибнешь! — сменила тактику Лёна, переходя от прямых угроз к настойчивым уговорам. Амплитуда метаний увеличилась, она уже носилась по офису, словно маленький метеор, цепляясь каблуками за ковер и задевая провода мониторов. — Это опасно!

Мой резкий смех диссонирующими колокольчиками прокатился по комнате.

— Жить тоже опасно, — с ухмылкой заявила я, отрываясь от разглядывания ногтей. — От жизни всегда в конце умирают, знаешь? — Сменила тему: — У тебя пилочки нет?

— Твою тупую башку даже бензопила не возьмет! — рывкнула командирским голосом милая дама-юристка. — Давай сама оторву, а?

— Не стоит, — напрягся Диего. — Она все еще под моей защитой.

— Надолго ли? — скептически усмехнулась Лёна, переводя цепкий многозначительный взгляд то на меня, то на телохранителя. — Сам ведь знаешь, как все быстро вверх дном переворачивается в наше время...

Диего ссутулился и помрачнел. Даже игрушечными крыльями размахивать перестал.

Юристка обратилась ко мне:

— Сколько за твою карьеру у тебя помощников сменилось?

Я закатила глаза:

— При чем тут это?

— И все же? — пристала юридической пиявкой верная подруга. Или вредная?

— Мигель, Иван, Матильда, Денис, Максимилиан, Тони, Джема, Луис... Хм. Восемнадцать, — подсчитала я, загибая пальцы. — Диего — девятнадцатый.

— Странно, — делано удивилась девушка. — И чего это они так от тебя быстро сбежали, а? Не подкажешь?

— Так работа шибко нервная, — невозмутимо пожалала я плечами. — Молока за вредность хотели. Но я ж не корова, чтоб доиться...

— Значит, в среднем по одному на год, — скрупулезно подытожила Лёна. — Круто! Еще одного сменить — и наступит юбилей!

Глаза моего бодигарда невольно вспыхнули, но он тут же взял себя в руки и перевел взгляд на рыбок.

— Не-а. — Я все же нашла в недрах черной дыры, именуемой дамской сумочкой, пилочку и стала подпиливать непонравившийся мне ноготь. — Диего со мной третий год, остальные ломались намного раньше. Хлипкие больно.

— Да-а-а, — с невольным уважением протянула Лёна. — Я гляжу, ты еще большая стерва, чем я думала.

— Можно считать это комплиментом? — флегматично поинтересовалась я. Потом стала серьезной и обрисовала задачу: — Итак, суть дела я поняла. Остается только выяснить, как упасть этому скунсу на хвост.

— Не надо на хвост, — поморщилась коллега и по совместительству подруга. Она перестала носиться как угорелая и вернулась обратно в удобное широкое кресло. Напомнила: — Вони не оберешься. Скунсы, они такие... вонючие. И все же хочу напомнить тебе о существующих правилах...

— Бесплезно, — горько хмыкнула я. — Хошь верь, хошь — не верь, но не могу я отказаться, даже если бы захотела. А я не хочу.

— Это еще почему? — возмутилась шатенка, упирая руки в боки. — Законы одни для всех!

— Угу, — согласно кивнула я. — Умничка. Возьми с полки пирожок. А теперь скажи это Эйдену.

Мои оппоненты притихли и переглянулись.

— Это его личное распоряжение? — прошептала Лёна, в ужасе вцепляясь ногтями в свою пышную шевелюру. За мгновение коллега посерела, будто вылиняв.

— Это его приказ, — красноречиво хмыкнула я. — По крайней мере, слова: «Иди и выверни этого поганца наизнанку для химчистки!» — по-другому я трактовать не могу.

— А ему известно, что ты хорошо знакома с объектом?.. — осторожно поинтересовался Диего. Реплика прозвучала словно сигнал тревоги.

— Известно, — почесала я лоб в легкой растерянности. — обяза... наверное. Потому как вряд ли есть в этом мире хоть что-то такое, чего Эйден не знает. И ему, как ты понимаешь, по своей воле не отказывают. Тем более — низшие.

— Поздравляю, ты влипла, — горестно констатировала Лёна, отводя глаза и начиная перебирать папки на столе. — Капитально.

Диего подтвердил этот тезис неодобрительным взмахом черноволосой головы и возгласом «угу».

— И мой долг тебе в этом помочь! — продолжила дочь российской и международной юриспруденции.

— Клея подольешь, добрая ты моя? — съехидничала я.

— В болото отправлю, — на полном серьезе парировала она. — Называется «Женская радость». Там во время войн, включая войну 1812 года, бабы французов и поляков отлавливали. Тех, которых трясина почти засосала. Ну и... устраивали себе нечаянную радость.

— Не продолжай, — остановила я поток исторических сведений. — А мне туда зачем? Там все еще какой-нибудь французик заваялся?

— Нет, — обрадовала меня Лёна, приосаниваясь. — Араб. Рошаном зовут.

— И что он в болоте делает? — недоумевала я. — Квакает? Зеленеет?

— Похоже на то. Зеленъ он там считает, — с немалой долей ехидства пояснила подруга, рассеянно водя пальцем по клавиатуре ультрабука. Уже более внятно: — У него там на дальнем хуторе загон для девчонок. Называется: «Как стать самой успешной танцовщицей, официанткой, горничной и манекенщицей».

Я всмотрелась в цветастых электронных рыбок, чтобы вернуть себе хоть чуточку релакса и здравого смысла. Не помогло. Один и один не складывались.

— Что, в болоте?.. — не поняла загадочной мужской логики.

— В борделе! — рявкнула юрист. — Он там действительно обучает самых красивых. И скрытую съемку делает... Чтобы у богатых клиентов о товаре представление было.

— Понятно, — начала я злиться, потихоньку накаляясь. Ничего мне не понятно! Даже искры из глаз от злости посыпались.

Я глубоко вдохнула, дала себе команду успокоиться и вернула разговор в нужное русло:

— И все же он — не мое задание. Объясни на пальцах, как это связано с Вовчиком?

— Вовчик твой девчонок активно обманом вербует и туда привозит для окончательного отбора, — более подробно разъяснила Лёна. — Пачками. Девчат Вован с Рощаном в лагере сортируют, и там же, на месте друг с другом мужики рассчитываются.

Я невольно перехватила напряженный взгляд испанца. Взгляд не телохранителя — убийцы. По какой-то своей, личной причине Диего работоторговлю и торговцев наркотиками ненавидел больше всего. Ненавидел люто, до кровавых точек и помутнения в мозгах, хоть и почему-то тщательно это скрывал. Даже от меня.

— По крайней мере, я так предполагаю, потому что другой возможности получить деньги у них, по нашим наблюдениям, не было, — внесла ясность Лёна. — И если ты хочешь припереть своего красавчика к стенке, то достань снимки и запись, — окончательно сформулировала рабо-

чее задание назначенный юрист огненных и офис-менеджер в одном лице.

На этих словах мой телохранитель отчего-то стал скучным и задумчивым. Знает, чем дело пахнет, не дурак небось!

— Потому как это, — указала Лёна на внушительную папку, — всего лишь косвенные улики. — С тоской вздохнула и скривилась, словно ей подсунули лимон вместо яблока. — Для высшего суда их, сама понимаешь, недостаточно.

— Понятно, — хмыкнула я. Подумала еще немного и повернулась к Диего: — Будем вызывать двоих из ларца!

— О боже, Мария, ты просто зверь! — закатил глаза мужчина, хотя идея ему явно понравилась. Хитро улыбаясь, спросил: — Может, обойдемся банальным погромом? Нельзя так издеваться над людьми! Я Женевскую конвенцию читал...

— Они им тоже почитают, — терпеливо заверила его я. — На ночь. Вслух и с выражением.

— Лучше сразу приберей гадов, — посоветовал Диего, передергивая широкими плечами. — Милосердие не чуждо даже тебе.

— Приятно слышать, — улыбнулась я. Нависла над бодигардом: — Звони!

ГЛАВА 3

Берегите мужчин! Это исчезающая разновидность человека.

Диего достал свой телефон и потыкал пальцем в кнопки, посылая эсэмэску.

— Готово, — недовольно пробурчал мужчина. — И все же я настаиваю...

— Ты че, своих не узнал? — раздалось за дверью мелодичное сопрано. — Глаза протри, жертва офисной удавки!

— Хулиганка! — парировал мужской голос. — А если я тебя привлеку за оскорбление словом?

— Давай лучше за оскорбление действием? — последовало встречное предложение. В нем такая надежда!

Дверь открылась, и в кабинет вошла девушка-готка. Среднего роста, чуть полноватая, что подчеркивали облегчающий кожаный корсет и суперкороткая юбка. Высокие сапоги на головокружительных металлических шпильках бряцали цепочками в такт шагам.

— Всем полной луны! — поздоровалась гостя, поправляя шляпу с высокой тульей. Густая черная вуаль прикрывала намарафеченное до состояния штукатурки миловидное округлое девичье личико. Готка плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу, сверкнув сетчатыми колготками, сложила затянутые в длинные перчатки миниатюрные руки и уставилась на нас в ожидании. — Зачем ты звал меня, старик?¹

— Я звал тебя, коль не во гнев, чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку, — прошипел Диего, выбрав цитату из той же басни.

— Привет, Марика! — улыбнулась я. — А где Сапфира?

— Она вне стен обители сей светлой паркует к стенке вашего нахала, — пояснила Марика, приветственно кивая.

— О боже! — подорвалась Лёна. — Игорь! — Включила третью скорость и выскочила в коридор.

Меня замучило любопытство, и я последовала за ней, чтобы увидеть, как миниатюрная байкерша с ирокезом из светлых волос пришпиливает к стенке высокого парня.

— Сапфира! — заорала Лёна. — Не трогай офисное имущество... офисного мужчи... отпусти практиканта!

— Почему? — отозвалась девушка, припирая тело к стене и придерживая тяжелым ботинком. — Ему нужна опора в жизни!

— Я сказала — отпусти! — бесновалась Лёна.

— Как хочешь, — пожалала хрупкими плечиками под кожаной курткой Сапфира и отошла в сторону.

Практикант с глухим стуком познакомился с полом.

¹ И. А. Крылов. «Крестьянин и Смерть».

— Я предупреждала! — пропела байкерша, обводя нас карими глазами.

— И ты все еще хочешь их задействовать? — возмутился Диего, поднимая парня и усаживая в кресло. — Этих двух террористок нельзя отправлять в приличное общество!

— А там все неприличные, — утешила его я. Скомандовала: — Девочки, у нас новая задача! За мной!

В кабинете я подсунула неформалкам толстую папку с документами и дала время на ознакомление. Девчонки уткнули носики в материалы дела и читали, вполголоса переговариваясь между собой.

— Это две ходячие катастрофы! — никак не мог успокоиться Диего, подсев ко мне и тихо бухтя на ухо. — Ты помнишь, чем закончилось дело с их участием в последний раз?

— Выполнением задания? — подколола я его, параллельно размышляя о решении проблемы.

— А кто потом прятал последствия выполнения этого задания? — взбунтовался телохранитель.

— Лес рубят — щепки летят, — хмыкнула я, подавляя в себе желание запустить руки в его густую блестящую гриву.

— Тридцать две вековые ели, вывороченные с корнем, ты называешь щепками? — возмутился мужчина, раздувая ноздри. — Ты хоть знаешь, сколько мне пришлось приложить усилий, чтобы это прошло по документам как плановая вырубка леса?

— Девочки увлеклись, — пояснила я ему, сжимая ладони и отодвигаясь, чтобы не позволить себе лишнего. — Забыли, что они не в кегельбане.

— Ну да, ну да, — пробурчал Диего. Ядовито: — А у нас есть связи среди мелиораторов? Вдруг «девочки» забудут, что они в болоте, и захотят поиграть в водное поло?

— С этим все ясно, — отодвинула бумаги Марика. — Что требуется от нас?

— Вы должны туда попасть, — сказала я. — Собрать

кой-какую информацию и немножко расшевелить осиное гнездо.

— Только не в таком разнузданном виде! — перебил меня Диего. — Таких оторв не возьмут туда даже балластом! Должно быть что-то хрупкое, невинное...

Подруги переглянулись, ухмыльнулись, и в помещении закрутилось два маленьких вихря.

Когда потоки воздуха улеглись, перед нами предстали две постройневшие девушки очень юного возраста.

Марика, одетая в розовое платье с кружевами, гольфы и лаковые туфельки, прижимала к груди плюшевого зайца. Каштановые волосы, забранные в два хвоста, украсились пышными бантами.

Сапфира нарядилась в голубой сарафанчик, белые носочки и теннисные туфли. Русые косы, закрученные банками, юное лицо без грамма косметики. В руках девушка держала школьный ранец.

— Мечта педофила, — мрачно прокомментировал Диего и подпрыгнул на стуле, получив электрический разряд в седалище.

— Симпатично, — кивнула я, показывая кулак Сапфире за использование стимулятора. — Но лучше бы постарше... чуть-чуть.

Подруги кивнули и снова закрутились в мини-торнадо.

Теперь нам выдали вариант постарше. Тонкие летние платья пастельных тонов облегли гармоничные девичьи тела. Босоножки на среднем каблуке подчеркивали идеальную стройность ног. Длинные распущенные волосы обрамляли юные свежие личики с невинными, широко распахнутыми глазами.

— Ну как? — пропела Сапфира, лукаво опуская длинные ресницы долу и покрываясь нежным персиковым румянцем.

— Прекрасно! — отреагировала Лёна. — Нам подходит! Диего закашлялся.

Юристка выдала девушкам инструкцию:

— Значит, так, эфирные! Матом не ругаться, мужчин в

углу не зажимать, напитки из горла не хлестать и на спор зубами гвозди из досок не вытаскивать!

— Тетенька, — устала на юриста целомудренным взглядом Сапфира, — а кто в прошлый раз ставки поднимал? А потом на выигрыш проставлялся? Мы в стрип...

— Иногда нужно расслабляться, — молниеносно прервала ее спич Лёна. — Сейчас другие правила игры.

— Да, мамочка, — прошептала Марика. — Ты не напишешь нам шпаргалку, какие слова нельзя использовать? Чтобы мы ненароком не облажались...

Лёна, как всегда, не смолчала:

— Вам на латыни или на русском юридическом?..

Весь офис расхохотался. Девочки привяли.

— А теперь к делу, — прервала я разбор полетов. — Мне нужны записи разговоров и фотографии, потому что люди нынче пошли недоверчивые, так и норовят презумпцией невиновности в глаз потыкать.

— O tempora! O mores!¹ — согласилась со мной Марика. — А можно еще вещественные доказательства принести? Если приставать начнут?

— De mortuis aut bene, aut nihil², — прошипел Диего, меняясь в лице.

— Ты о чем? — устала на него Сапфира. — Никто ничего отрывать не будет. Мы ж не садистки какие-нибудь. Пару раз ботинком по... ребрам — и все. А Марика вообще о другом говорила.

— Это о чем? — поинтересовалась я, вставая между телохранителем и подругами. Быстро сообразила: — Исползованные средства защиты приносить не нужно. Нам не на отцовство тест делать.

— Жалко, — надулась Марика. — Ничто так не стимулирует мужчин, как перспектива краткосрочных вкладов с длительной выплатой алиментов.

— Ладно, — ткнула локтем в бок подругу Сапфира. — Хватит развлекаться, давай ближе к делу!

¹ О времена! О нравы! (лат.)

² О мертвых либо хорошо, либо ничего (лат.).

— Я больше предпочитаю ближе к телу, — потянулась Марика, соблазнительно выгибаясь перед Диего.

Тот попытался отстранить ее рукой, но Марика свободно просочилась сквозь преграду.

Это два неотъемлемых свойства эфира. Первое — слышать призыв электромагнитных полей на любом расстоянии, второе — не знать преград. Есть еще и третье, опять-таки связанное с исконными свойствами.

Все эфиры — воплощенные молнии. При желании шаршат электричеством так, что любой полицейский шокер нервно курит в сторонке. Могут игриво кольнуть, а могут взжарить силой нескольких десятков гигаватт. Потом от несчастного одни угольки да пепел останутся. Оружие почти как у огненных.

Одно хорошо — буквой закона им не дана сила карать. Не то, знаю я их безудержную легкомысленность, на Земле остались бы жить одни эфиры, а прочая жизнь в материальной оболочке раз и навсегда исчезла. Вымерла как класс.

— Диего, ты же не оставишь в беде несчастную неудовлетворенную девушку, — потерлась бедром о телохранителя Сапфира, которая подошла к нему с другой стороны.

Красавец-брюнет сочно выругался исключительно по-испански и пулей вылетел из кабинета.

— Использование ненормативной лексики запрещено! — крикнула ему вслед девушка. Потом повернулась к нам и скинула шутливую маску. Сверкнули построжевшие карие глаза. — А теперь к делу! Кто такой Рошан?

— Никто не знает точно, — призналась Лёна. — Но дела там творятся очень странные. Во-первых, он до сих пор не оказался в поле зрения правоохранительных органов, несмотря на то что девушки постоянно пропадают...

— Глаукома, — кивнула Сапфира, выразительным жестом потирая большой палец и указательный. — Извини, перебила.

— Во-вторых, — пронзила недовольным взглядом девушку шатенка, — около его хутора ощущается сильное энергетическое поле. Хотя к этому нет никаких предпосылок.